

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Шок Наталии Петровны «Античная традиция и раннехристианское мировоззрение в теории и практике медицины Римской империи I–III веков», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.10 – История науки и техники

Актуальность избранной автором диссертации темы объясняется в первую очередь тем обстоятельством, что в отечественной науке до сих пор не исследовалось влияние раннего христианства на развитие теории и практики медицины; напротив, достаточно популярна была точка зрения, что религия интенсивно тормозила развитие науки в целом и медицины в частности. Поэтому весьма своевременным является серьезное исследование, в котором данная проблема анализируется на современном научном уровне.

Диссертация построена на солидной источниковой базе. В первую очередь это труды самого Галена. Кроме того, привлечены сочинения раннехристианских мыслителей, в меньшей степени – языческих авторов. Н.П. Шок хорошо знакома с историографией проблемы, в основном англоязычной, и умело применяет целый арсенал существующих методов исследования, как общенаучных, так и специфических, характерных для исторической науки. Четко сформулированы цель и задачи исследования. Степень разработанности проблемы подробно рассмотрена в первой главе диссертации, где автор, в частности, критикует популярную в свое время концепцию конфликта науки и религии и присоединяется к мнению, что их взаимоотношения носили гораздо более сложный характер, чем было принято считать еще недавно.

Во второй главе Н.П. Шок анализирует жизнь и творчество Галена, его методологию, стремясь выяснить, почему именно его концепция одержала быструю и решительную победу в медицине и определила ее развитие на полторы тысячи лет вперед. С точки зрения автора, Гален со своей анатомо-физиологической системой стал революционером-рационалистом, предложив выход из кризиса естествознания во II в. н.э. и отстаивая принцип рационального познания на основе накопления и систематизации эмпирических

знаний. Именно Гален сформулировал принцип общетеоретического познания в медицине и соединил естественнонаучные критерии с нравственными, творчески развив натурфилософские взгляды Платона, Гиппократ и Аристотеля.

В третьей главе убедительно показано, что больничное дело своим зарождением обязано именно христианам и христианству. В этой связи обращается особое внимание на то парадоксальное обстоятельство, что именно эпидемии II–III вв. способствовали распространению христианства – в науке этот фактор зачастую игнорируется, а диссертантка справедливо подчеркивает его важную роль (с. 244, 264 сл., 270, 278 сл.).

В четвертой главе проводится сравнительный анализ патристики доникейского периода и трудов Галена с целью выяснить причины принятия христианской церковью его учения и безоговорочного господства его в медицине на протяжении полутора тысячелетий. Доказывается, что христианские мыслители исследуемого периода в целом положительно относились к науке и образованию вообще и к анатомо-физиологической доктрине Галена в частности. Причина заключалась в том, что воспринятая церковью рационалистическая натурфилософия составляла в то же время общетеоретическую базу галенизма, что и предопределило его господство в медицинской теории и практике.

Положения и выводы диссертации отличаются логичностью, обоснованностью, многие из них в отечественной науке сформулированы впервые. Таким образом, достоинства диссертации очевидны. Перейдем к спорным моментам работы.

На с. 22–23 диссертации Н.П. Шок указывает: «В целях решения поставленных задач, осуществлен критический перевод с древнегреческого и введение в научный оборот трудов Галена «О том, что лучший врач еще и философ», «Способ распознавания и лечения страстей любой, в том числе и своей собственной, души», «О распознавании и лечении заблуждений каждой души». Читатель понимает это вполне определенно: перевод осуществлен авто-

ром диссертации, тем более, что в автореферат (с. 27) не оставляет в этом сомнений: «нами осуществлен критический перевод...». Однако из четырех Приложений мы узнаём, что все переводы с древнегреческого принадлежат профессору А.П. Щеглову (с. 443, 516, 565, 579). Каков здесь личный вклад диссертантки, остается неясным.

Не вполне удачно употреблен в отношении этих трактатов термин «билингвальный (то есть двуязычный. – В.П.) перевод» (с. 31), что можно понять как перевод на два языка. В действительности же подразумевается так называемый *traduction avec le texte en regard*, то есть перевод с параллельно приводимым текстом оригинала.

Коль скоро речь зашла о классических языках, надо отметить, что в приводимых цитатах и названиях произведений на древнегреческом языке не всё ладно с диакритическими знаками, ударения порой путаются с придыханиями, острое ударение – с тяжелым, *iota subscriptum* отсутствует там, где она нужна (с. 162–163, 183, 396–397). Говоря о добровольном вспомогательном персонале больниц, организованных христианами, Н.П. Шок указывает: «Их называли сподаи (*spondaioi*) и филопонои (*philoponoï*)» (с. 266). Однако соответствующие греческие термины на русском языке транскрибируются иначе: *спудайой* (или *спудеи*, если предпочесть систему Рейхлина) – «добродетельные» – и *филопоной* (*филопони*) – «трудолюбивые, усердные». Трактат Тертуллиана «О душе» по-латыни именуется не «*De anime*» (с. 324) – такой формы у первого склонения латинских существительных не существует, а «*De anima*» (*abl. sing.*). Впрочем, это может быть простой опечаткой, которые в тексте работы нечасто, но встречаются, что иногда приводит к путанице. Например, на с. 113 знаменитый английский физик Уильям Томсон, лорд Кельвин (*Kelvin*), превращается в Кальвина, а это уже совершенно иной исторический персонаж.

Загадочно выглядит фраза: «Большинство из тех, кто принадлежал к христианской интеллигенции, получил риторическое и философское образование на основе языческой температуры» (с. 123), лишь поразмыслив, можно

догадаться, что под «температурой» подразумевается литература. По словам диссертантки, «в латинском средневековье Гален получил почетное прозвище «принца всех врачей» (с. 125). В данном случае смысл этого титула остается непонятным, и остается лишь догадываться, что «принц» явно произведен от латинского *princeps* (глава, руководитель, предводитель) и королевский отпрыск здесь совершенно не при чем.

В диссертации не всегда четко представляются исторические реалии Римской империи. На с. 129–130 излагается история впавшего в ересь Маркиона, которому христианская община возвратила его пожертвование. Диссертантка рассуждает: «200 тыс. сестерциев – это огромная сумма, на которую в то время можно было нанять небольшую армию для решения средней по геополитической значимости военной задачи». Действительно, 200 тыс. сестерциев, т.е. 50 тыс. денариев (около 172 кг серебра) – это достаточно крупная сумма, которая равна «выходному пособию» десяти ветеранов преторианской гвардии времени Августа (Тас. *Ann.* I.17.4–6; Dio Cass. LV.23.1) или годовому жалованью примерно 166 рядовых легионеров (или 50 преторианцев) времени самого Маркиона (Suet. *Dom.* 7.3; Dio Cass. LXVII.3.5). Однако ни 10, ни 50, ни даже 166 человек армией, пусть небольшой, все же не являются и едва ли способны решать геополитические задачи.

Иногда Н.П. Шок прибегает к излишнему в квалификационной работе такого уровня морализированию. К примеру, при рассмотрении биографии Галена, упомянув тот факт, что последний был личным врачом императора Коммода, и приведя несколько живописных фактов к характеристике последнего Антонина, автор выражает собственную позицию: «Вообще длительное пребывание Галена рядом с Коммодом вызывает удивление: трудно себе представить менее совместимые фигуры» (с. 143). На это можно возразить, что, как известно, сходятся как раз противоположности. Во-вторых, в данном случае едва ли у столь известного к тому времени врача была свобода выбора – властители обычно делают подданным предложения, от которых трудно или даже невозможно отказаться. В-третьих, нет ничего удивительно-

го в том, что Коммод, еще ребенком порученный заботам Галена, был искренне привязан к нему. Наконец, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что Коммод относится к числу так называемых «плохих» (с точки зрения сенатской традиции) императоров, информация о которых представлена в нарративных источниках весьма тенденциозно.

На страницах диссертации уточняется: «Отметим, кстати, что именование эпидемии 165–180 гг. «чумой Галена» не совсем справедливо. Гален, конечно, имеет огромные заслуги перед медициной, но данный случай – скорее исключение. Многие историки медицины обращали внимание на удивительно неполное описание Галеном симптомов заболевания. Сейчас в историографии считается доказанным факт панического бегства Галена из пораженного эпидемией Рима – именно этим и объясняется неполнота сведений Галена о страшном инфекционном заболевании». Далее автор не без пафоса восклицает: «Язычник Гален переборол врача-философа Галена и ретировался с поля «врачебного боя» в страхе за свою жизнь!» (с. 240 сл.). Однако ни ссылок на исследовательскую литературу, ни собственных доказательств автор здесь не приводит.

К тому же выше (с. 130) излагается совершенно иная версия, представляющая великого медика, напротив, в героическом свете: «Гален приехал в Рим примерно в 162 г. и сразу стал известным римским практикующим врачом. Его врачебные таланты вызвали зависть менее способных и удачливых врачей Рима, поэтому, боясь быть отравленным, Гален покинул Рим. Но осенью 169 г. разразилась страшная эпидемия, и Гален был призван обратно. Ему было велено сопровождать Марка Аврелия и Луция Вера в Германии. Затем он был послан в качестве врача к императорскому наследнику Коммоду». Налицо явное противоречие, которое необходимо разрешить. Обратимся к фактам.

Эпидемия чумы вспыхнула осенью 165 г. в занятой победоносными римскими войсками Селевкии-на-Тигре, одной из столиц Парфянского царства. Военные действия пришлось прекратить, с Парфией заключить мир, но

было уже поздно: войска, возвращавшиеся в места постоянной дислокации, разнесли чуму по всей Империи. В 166 г. эпидемия уже свирепствовала в Италии и Риме. Именно по этой причине Гален и возвращается на родину, но это едва ли может быть поставлено ему в упрек: он не занимал никакой официальной должности, был вправе располагать собой, а эффективных средств борьбы с этой болезнью ни тогда, ни много позже не было.

В Пергаме он пробыл недолго: оба императора, Марк Аврелий и Луций Вер, направили ему письменное приглашение прибыть к ним в Аквилею (северо-восток Италии) в качестве личного врача. Едва он оказался в императорской ставке, как Аквилею поразила вспышка той же эпидемии. Императоры срочно покидают город и направляются в Рим. По дороге Луций Вер умирает (169 г.). Гален в это время остается в Аквилее, организуя меры по противодействию эпидемии, и чудом остается в живых. Позднее его попечениюверяется малолетний Коммод, единственный сын Марка Аврелия.

Таким образом, утверждение автора о «паническом бегстве» Галена из охваченного эпидемией Рима является явным преувеличением, как и другой тезис автора – о том, что эпидемия 165–180 гг. «привела к полной дезорганизации государства и армии» (с. 240). При всей разрушительности постигшего Римскую империю бедствия, власть все же контролировала ситуацию и адекватно реагировала на все вызовы времени, в противном случае история Рима на этом и закончилась бы.

Не вполне точна диссертантка в утверждении, что диакониссы представляли собой «вдовствующих женщин», основная деятельность которых «была ориентирована на больных женщин» (с. 257). Как показано в кандидатской диссертации Ю.Е. Краснобаевой «Понятие «служение» и институт диаконата в раннем христианстве» (защищена в МГУ 14 мая текущего года), должность диакониссы, иерархическая поначалу (они поставлялись рукоположением, как священники и диаконы) не была обязательно связана со статусом вдовы: «Диаконисса (*diakonissa*) же должна быть дева непорочная, а если не так, то, по крайней мере, вдова однобрачная, верующая и почтенная» (*Constitutiones*

Apostolorum. VI.17.4. Перевод Ю.Е. Краснобаевой). Обязанностью диаконисс была забота о женской части общины вообще, а не только о больных; к IV в. диакониссы исключаются из состава клира (с. 246–258).

Есть слабые места в системе доказательств. Так, на с. 344 Н.П. Шок пишет: «Добавим к этому новые факты (о них шла речь ранее), приводимые зарубежными исследователями и свидетельствующие о значительной доле христиан во врачебном сообществе». Обращаемся к этому «ранее» и находим на с. 338 следующий пассаж: «Крайне интересен для нас анализ источников, сделанный Х. Мюллером: он (как и Р. Старк) доказывает, что среди врачей, практиковавших в Римской империи того времени, было много христиан». Здесь же автор ссылается на исследование Р. Старка, но никакого Мюллера читатель ни здесь, ни в списке литературы не обнаруживает. И лишь ниже, через несколько страниц, со ссылкой на американских исследователей Г.Б. Фернгрена, Р. Старка и немецкого – К. Шульце, наконец-то дается конкретный материал: при предположительной общей численности христиан в Римской империи к концу II в. чуть более 200 тыс. чел., их доля среди врачей была выше, чем в любой другой привилегированной профессиональной группе: за II–IV вв. известно 90 имен христиан-врачей, тогда как христиан-пекарей – всего 27. Отсюда Н.П. Шок заключает: «Очевидно, что христиане-врачи, упоминаемые в различных источниках, ставших основой для анализа К. Шульца (*sic!* – В.П.) и Г. Фернгрена, должны были приобрести широкую личную известность – иначе о них не писали бы. Такая известность могла быть связана с их профессиональной популярностью или с мученической кончиной (что обусловило сохранность их имен в христианских мартирологических источниках). Нам кажется очевидным, что эти имена – лишь видимая верхушка «социального айсберга», структуры христианских общин этого периода» (с. 347 сл.).

С основной идеей здесь вполне можно согласиться. Действительно, уже в силу специфики самой профессии христианские идеи, христианская мораль должны были находить среди врачей больший отклик, чем, допустим, среди

военных или гражданских представителей власти. Но доказать, что все эти 90 врачей имели «широкую личную известность», едва ли возможно, по той простой причине, что указанные диссертанткой исследователи основную массу данных явно почерпнули не из нарративных, а из эпиграфических источников. Таковыми могли быть различные категории надписей, в данном случае либо почетные, либо надгробные. В почетной надписи до Миланского (Медиоланского) эдикта 313 г. вероисповедание врача указано быть не могло (оно было бы равносильно доносу на принадлежность чествуемого к запрещенной и преследуемой властями организации), тогда как в надписи надгробной христианская символика, понятная в те времена только посвященным, вполне могла присутствовать. Но указание на профессию покойного, типичное для античной латинской эпиграфики, не может служить доказательством его широкой известности.

Оформление диссертации в целом соответствует необходимым требованиям. Однако в работе достаточно часто встречаются «слепые» (без указания страниц) сноски, в том числе и при прямом цитировании (с. 78, 89, 93, 104, 111, 114, 136, 138–140, 146, 170, 251, 268–269, 272–273, 275–277, 279, 298–299, 316). Порой автор, на мой взгляд, злоупотребляет цитатами (с. 229–230, 233–235, 236–239, 241–242). Явно не помешал бы в диссертации список используемых сокращений.

Список источников и литературы впечатляет – он насчитывает 617 названий. Но и здесь не обошлось без путаницы: Аристотель с Афанасием Великим оказались в списке научной литературы (с. 398), как и русские переводы одного из сочинений Галена и известного сборника императорских биографий (*Scriptores Historiae Augustae*) (с. 400) тогда как исследование А.И. Дружинина (с. 393) и две статьи П. де Ласси (с. 395) – в списке источников. Шеститомный «Курс русской истории» В.О. Ключевского никак не мог быть издан в 1910 г. Комиссариатом народного просвещения (с. 401) – Совнарком был сформирован после большевистского переворота 1917 г.

Оценивая диссертацию в целом, необходимо отметить, что ее автором проделана большая исследовательская работа, результаты которой существенно расширили представление об античной медицине времени Римской империи и ее взаимоотношениях с христианством. Высказанные выше замечания либо уточняют те или иные положения диссертации, либо носят частный характер и не влияют на общую положительную оценку исследования Н.П. Шок.

Основные положения работы нашли адекватное отражение в автореферате и публикациях: всего Н.П. Шок опубликовано 30 работ по теме исследования, из них 21 – в научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК. Положения и выводы, изложенные в диссертации, апробированы на представительных конференциях в нашей стране и за рубежом.

Результаты диссертационной работы могут быть использованы при преподавании курсов «История медицины», «История науки и техники» в медицинских, фармацевтических и технических вузах, курсов повышения квалификации врачей, в рамках программ дополнительного профессионального образования (курс «История и философия науки»), в преподавании общего курса «История древнего мира» и специальных курсов на гуманитарных факультетах университетов, а также, и не в последнюю очередь, в научно-исследовательской работе.

Таким образом, диссертация Н.П. Шок представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Работа является оригинальным, законченным научным исследованием, в котором получены новые обоснованные результаты, свидетельствующие о личном вкладе автора в науку. Диссертация Н.П. Шок «Античная традиция и раннехристианское мировоззрение в теории и практике медицины Римской империи I–III веков» является научно-квалификационной работой, отвечающей критериям, сформулированным в п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней от

24 сентября 2013 г., а ее автор, Шок Наталия Петровна, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.10 – История науки и техники.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Виктор Николаевич Парфенов

410054 Саратов, ул. Политехническая, 77.

Телефон: 89276227772.

Электронная почта: vparfenov@list.ru.

02.06.2014.

Подпись профессора Парфенова Виктора Николаевича заверяю:

Ученый секретарь Ученого совета СГТУ имени Гагарина Ю.А.

доктор технических наук, профессор

П.Ю. Бочкарев
02.06.2014.